

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ

ПЯТНИЦА, 28 АПРѢЛЯ 1922
VENDREDI 28 AVRIL 1922

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ П. Н. МИЛЮКОВА
Quotidien Russe — «LES DERNIERES NOUVELLES». Directeur P. N. MILIOUKOV

ПЯТНИЦА, 28 АПРѢЛЯ 1922
VENDREDI 28 AVRIL 1922

№ 624

3-й ГОДЪ
ИЗДАНІЯ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

(съ 1-го числа каждаго мѣсяца)

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ
Въ Парижѣ и провинціи	10	27	50	95
Въ провинціи	12	33	60	110

Пересылка адреса — 1 фр.

Подписки, принимаются въ Конторѣ Редакціи и во всѣхъ почтовыхъ отдѣленіяхъ. — Пріемъ объявленій въ Конторѣ Редакціи.

Цѣна №: въ Парижѣ и пров. 35 сантим. за-гран. 50 сантим.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА

REDACTION & ADMINISTRATION

5, rue des Gobelins, — Paris (XIII).

Телеграфный адресъ : ДЕРПОНВЕД — Парижъ : Телефонъ : Gobellins 22-94
Adresse Télégraphique : Derponved — Paris : Téléphone

Отдѣленіе конторы по приему объявленій и подписки: Société de Presse, de Publicité
d'Éditions 22, rue d'Anjou. Tel. : Élysées 35-58

ABONNEMENTS:

(Partant du 1er du chaque mois)

	1 mois	3 mois	6 mois	1 an
Paris et Départements	10	27	50	95
Étranger	12	33	60	110

Changement d'adresse : 1 fr.

On s'abonne aux Bureaux du Journal et dans tous les Bureaux de poste.
Annonces : aux Bureaux du Journal.

Le Numéro : Paris & Départements 35c Étranger 50c

№ 624

3-me

ANNEE

2

ИЗЪ ДНЕВНИКА

(О СПЕКТАКЛЯХЪ МОСК. ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА ВЪ БЕРЛИНѢ)

Одинъ изъ моихъ соотечественниковъ по поводу слова къ артистамъ Московскаго Художественнаго Театра, произнесеннаго мною въ Брюдерфрейнгаузѣ 8 марта, ядовито, въ частной бесѣдѣ, спросилъ меня: — А не для краснаго ли слова сказали вы, что прѣхали изъ Франціи изъ-за прекрасныхъ глазъ возлюбленныхъ мо- жавичей?

Задумываясь надъ этимъ вопросомъ, я добросовѣстно провѣрилъ всѣ причины, побудившія меня на этотъ легкомысленный поступокъ — на поѣздку изъ Парижа въ Берлинъ на спектакли — и утверждаю: да, всѣ прозія мои дѣла въ Германіи я могъ отлично сдѣлать съ мѣста, не бросая службы и не подвергая себя визитнымъ хожденіямъ и сидѣнію (изъ-за забастовки) безъ угля въ чужомъ холодномъ городѣ. Значитъ, главной причиной были именно прекрасные глаза этихъ немногихъ лицъ, въ которыхъ я давно влюбленъ самой стыдливой, юношескою любовью, многихъ изъ нихъ даже не зная въ лицо, безъ грима.

Да и можно ли забыть то русско-прекрасное, котораго все меньше и меньше остается и тамъ дома, и здѣсь въ разсѣяніи по свѣту бѣлому?..

Можно ли не загрустить о нихъ, почти единственныхъ посетителей подвига любви и мира въ то время, когда они должны покинуть насъ и уйти быть можетъ на Голгофу Всероссійскую?..

И если бы я встрѣтилъ рядъ разочарованныхъ, если бы моя влюбленность была омрачена столь неприглядной, человѣческой, прозаической реальностью, если бы среди избранныхъ я увидѣлъ недостойныхъ, — я и тогда не отказался бы снова присягнуть ихъ ордену и поклониться алтарю, на которомъ они совершаютъ свои жреческія таинства... Въ соприкосновеніи же съ ними, я какъ еще никогда опять услышалъ тотъ истонный крикъ распятой и ожесточенной отъ позорныхъ мукъ Россіи, непрерывное эхо котораго аукаетъ теперь во всѣхъ концахъ земного шара...

Боже, Боже! Какъ великъ твой гнѣвъ!..

Какое допустилъ Ты страшное опустошеніе въ мірѣ, разрушивъ Россію! Какое великое сердце Ты пронзилъ ядовитою стрѣлою Кары!.. И если это испытаніе вынесетъ и не умретъ Россія — она поистинѣ сумѣетъ затопить весь міръ тепломъ и свѣтомъ Всепрощенія.

Какія же препятствія могли остановить меня идти туда, гдѣ я приобщаюсь таинства очистительныхъ скорбей и уповацій сладостныхъ?..

...Мнѣ удалось быть на восьми спектакляхъ, изъ которыхъ три было посвящено «Тремъ сестрамъ», два «Вишневому саду», одинъ «Гамлету», одинъ «На днѣ» и одинъ «На всякаго мудреца довольно простоты». Кроме того, я видѣлъ артистовъ на нѣсколькихъ благотворительныхъ вечерахъ, на «капустникѣ», встрѣчаясь съ ними въ частныхъ домахъ, а Качалова, кромѣ всего, еще и на его собственномъ вечерѣ въ рамѣ чудесныхъ звуковъ виолончели проф. Вѣлоусова и рояля г-жи Изабеллы Венгеровой. И я хотѣлъ бы дать нѣкоторый итогъ своимъ личнымъ, можетъ быть, субъективнымъ впечатлѣніямъ, навѣяннымъ мнѣ, какъ пьесами, такъ и артистами.

Первою пьесой я видѣлъ «Три сестры» и долженъ сознаться, что въ первый разъ не понравились мнѣ и исполненіе и сама пьеса. Прежде всего, мнѣ странно было слушать это добродѣтельное нытье провинціальнаго профессиональнаго бездѣльниковъ о томъ, что жизнь нелѣпа и скучна, что «съ женой они замучились, съ дѣтьми замучились», что слышали — де, были такіе Шекспиръ, Гете, а они не читали... И смѣшнѣе всего звучало: «Надо работать, работать»... Попутно приходило злорадное чувство: «Какъ хорошо, что революція такъ распотѣшилась надъ этими людьми и, согнувъ ихъ въ бараній рогъ, научила работать не для пресловутаго блага темнаго народа, а для самихъ себя, вотъ такъ-таки для собственного брюха»... А эти трагическіе возгласы «Въ Москву, въ Москву!» звучали даже злой

ироніей. Нѣкоторые нѣмцы тутъ-же удивлялись: «Отчего же имъ не взять было билетъ II класса и не поѣхать въ Москву? Вѣдь, тогда же поѣзда въ Россію ходили регулярно!»

Но вотъ увидѣлъ я пьесу во второй разъ — и былъ пораженъ происшедшей во мнѣ переменной. Что случилось, — я и до сихъ поръ не понимаю. Когда же я смотрѣлъ пьесу въ третій разъ, когда я уже заранее зналъ каждое слово и движеніе, я былъ совершенно околдованъ каждой деталью, каждымъ жестомъ, каждымъ звукомъ и въ особенности всей неподражаемой гармоніею жестовъ и движеній: все это было едино: артисты, сцена, зрители, Чеховъ, Россія... Но въ чемъ секретъ — не понимаю до сихъ поръ. Можетъ быть, въ этихъ именно деталяхъ: какъ прислуга, бѣгая открывать дверь съ подлинно деревенскимъ жеманствомъ вертитъ хвостомъ длинной ситцевой юбки; или какъ молодая жена Андрея расхлябанно стучитъ ногами туфлями; или какъ юный подпоручикъ пускаетъ волчокъ для именинницы Ирины; или какъ безъ словъ проходить по сценѣ по уѣздному благообразный офицеръ; или какъ Вершининъ молча взглянетъ въ сторону безтактно-спорящаго поручика Соленого... Безконечное множество этихъ мелочей, — а изъ нихъ цѣлое жемчужное ожерелье образовъ, а въ немъ радуга души сестеръ и въ особенности Маши, а съ нею рядомъ пестрая мозаика изъ маленькихъ людскихъ трагедій, а надъ ними широчайшая душа Вершинина, вся спрятанная въ полуслова и сдержанные улыбки, а во всемъ этомъ — Россія, необъятная въ своемъ трагическомъ и роковомъ предчувствіи, неизъяснимая въ своихъ зовахъ къ чудесной жизни въ будущемъ, черезъ 200-300 лѣтъ... О-о! Какая это необъятность — Чеховскія «Три сестры» я какіе это единственные и неповторяемые въ нихъ Книпперъ-Чехова и Качаловъ!.. Захватываетъ духъ мой — не найду умѣнья выразить невыразимое словами...

А попутно преломлялись въ психикѣ и самые персонажи. Такъ, напр., я, въ удивленіи своему, поймалъ себя на томъ, что въ 1913 г. на Камергерскомъ я жалѣлъ Андрея и презиралъ учителя гимназій Булыгина. А теперь я презиралъ разгильдяйство Андрея и уважалъ стоическую и терпѣливую любовь Булыгина, почти единственнаго дѣловаго и неунывающего человѣка въ пьесѣ. Точно также и въ «Виш-

невомъ Саду» раньше я возмущался, а теперь восхищался кулачествомъ купца Лопахина, подъ топоромъ котораго повалился распрекрасный вишневый садъ, взлѣбывшій помѣщиковъ Ралева, у которыхъ такъ живописно валялись изъ рукъ — деньги, разумъ и мораль... Молодчице Лопахинѣ! Я зналъ его по сибирскимъ маслосѣльнымъ артелямъ. Да и кто его не зналъ? Подъ именемъ какого либо курганскаго степного богатыря Балакшина его не только знала вся Россія, но и въ Лондонѣ, въ Америкѣ считались съ нимъ — во какія онъ повелѣ дѣла! Да, жаль, не во время пришла война, и косопашные лакеи Яшки и Епиходовы, какъ вошь тифомъ, свалили съ ногъ разудалаго добраго молодца... Небойсь, запалъ гдѣ нибудь теперь въ лѣсахъ и на горахъ среди «зеленыхъ» или ютится въ бѣженскомъ разсѣяніи... А можетъ быть, примазался къ Комбѣду и Сордепу, т. е. къ ядру совбуровъ и измышляетъ новые пути къ покупке съ публичнаго торга разоренныхъ дворянскихъ гнѣздъ? Ужъ онъ, коли на то пойдеть, на торгахъ лицомъ въ грязь не ударитъ, и если «объегорить» заморскихъ торговыхъ гостей, то маки его зацвѣтутъ на тысячевеерстныхъ полосахъ — вотъ тогда и скажется, кто такой Лопахинъ! Во всякомъ случаѣ, если кто перелукавитъ лукавѣйшаго Ильича, такъ это онъ — Ермолай Алексѣичъ, внукъ крѣпостнаго мужика. Хорошо, если перелукавитъ, а можетъ быть, и шею сломитъ его величеству самому подложному и скороспѣлому социализму, — ни дна-бы ему, ни покрывки! Грядеть, грядеть благословеніе создающему кулаку Лопахину.

Лишь онъ можетъ положить предѣлъ и наглости лакея Яшки и слюнявому невѣжеству Епиходова, и какіе бы высокіе посты сейчасъ ни занимали эти милостивые государи — передъ Лопахинской фигурой они снова станутъ лебезить и паразитствовать.

Вотъ какія мысли мнѣ навѣяны «Вишневымъ садомъ» и я теперь по новому и горячо пожалъ бы пророческую руку Антона Павловича. Умѣялъ онъ въ рыхлой русской гинии находить самоцѣльные камни и подавать ихъ прямо въ оправѣ грязноватой земли.

По новому преломилась во мнѣ и пьеса «На днѣ». Странный и неожиданный прозопли перемены. Второстепенныя фигуры сдѣлались на этотъ разъ огромными и символизировали цѣлую Россію.

Такъ, напр., самъ Горькій, вѣроятно, не ожидалъ, какой эффектъ произведетъ теперь появленіе въ подвалѣ Костылева полицейскаго стражника Абрама. Дядя Василисы, добрый русскій мужикъ, въ мундирѣ городского, сначала заходитъ какъ бы для надзора за порядкомъ, потомъ минутку посидѣть за шашками, потомъ пройтись съ Бубновымъ любимую пѣсенку, а потомъ и выпить и во хмѣлю распоясаться, снять свой мундиръ и обнаружить бабью кофту и весь свой рыхлый, русскій нравъ, столь податливый къ жалости и къ раздѣленію судьбы всѣхъ падшихъ. И даже самая его подлинно-россійская полицейская амуниція приобрѣтала какое то огромное значеніе несокрушимой русской силы, однако же, увязшей въ тенетахъ домохозяина и скопидома Костылева. Не онъ ли, убитый буйнымъ богатыремъ Васильемъ, снова всталъ въ тысячахъ видовъ на землѣ русской и, сокрушая всѣ чекистскіе капканы, а можетъ быть и помогая разставлять ихъ, созидаетъ свое новое непреодолимое нѣмъ совбурское благополучіе?.. Охъ, берегись многопроставленный и гордый планетарный человѣкъ — мечтающій разрушить старыя основы жизни. На голову твою за вольнодумныя мечтанія грядетъ могущественнѣйшій кулакъ хозяйскаго союза Лопахинъ - Костылевъ и К-о.

И вотъ Лука... — Этотъ лукавый бродяга съ темнымъ прошлымъ, что-то ужъ больно выпукло и благоприятно выпираетъ на этотъ разъ изъ пьесы со своимъ не существующимъ, но необходимымъ Богомъ!.. И вообще что-то слишкомъ убѣдительно сами по себѣ житейскіе мелочи и факты, особенно, когда они художникомъ-писателемъ показаны даже и съ собственными комментаріями. Комментаріи устами бывшихъ людей кричатъ о гордомъ человѣкѣ, а факты молча насмѣхаются надъ этимъ гордымъ человѣкомъ изъ Костылевскаго подвала и безъ всякихъ словъ утверждаютъ, что красота то жизни разцвѣтаетъ на тысячахъ десятинъ Лопахинскаго мака и что гордый то человѣкъ находится не въ подвалахъ русскаго пригнона, а гдѣ нибудь подъ куполомъ небесъ Италіи, въ архитектурѣ Кельнскаго собора, въ сокровищахъ искусства какого нибудь бывшаго королевскаго дворца въ Парижѣ, въ волшебномъ рычажкѣ какого нибудь радиотелеграфиста... Стало быть печего и лгать себѣ, что тысячи и миллионы лакеевъ Яшекъ или полоротыхъ Епи-

хихъ вмѣстѣ могутъ сотворить нѣчто великое и планетарное! Все равно, и для нихъ оказывается пужна пагайка коммунизма. Значитъ: Осанна личности, а не толпѣ. — значитъ слава слову, а не галдѣжу, значитъ служеніе все-таки какой то гармоніи и красотѣ и силѣ, а не моленіе безобразію, хаосу и безсилію...

Да, на этотъ разъ и въ этомъ имени смыслъ меня потрясъ М. Горькій, этотъ великій пѣвецъ самодержавной личности. Его Лука да и вся пьеса — чистѣйшее въ томъ поручителіи.

То же прославленіе личности увидѣлъ я и въ комедіи Островскаго, какъ бы проптически ни звучало ея заглавіе: «На всякаго мудреца довольно простоты». Одурачившій всѣхъ сродниковъ и савоиниковъ ловкій молодой карьеристъ, попавшійся на собственной оплошности и пристыженный всѣми, онъ все же торжествуетъ побѣду надъ толпою набравшихъ, потому что оказался не только всѣхъ умѣе, но и добросовѣстнѣе, несмотря на всѣ свои необличенные обманы.

И ужъ, конечно, личность возвеличена и коронована въ трагедіи Шекспира. Гамлетъ котораго, Качаловъ, былъ въ то же время русскій гений звука, пластики и жеста, и я не знаю: кого я больше бою-творилъ: воплощеннаго ли имъ Гамлета, нѣкогда существовавшего, а можетъ быть, и никогда не жившаго на свѣтѣ, а только выдуманнаго, или же живого, въ плоти и крови русскаго человѣка Качалова, уподобленнаго божеству, несмотря ни на какія критики нѣмецкихъ знаменитостей?.. Да, пожалуй, все-таки для меня важнѣе былъ Качаловъ, а не Гамлетъ, ибо Качаловъ — правда, наша гордая и величавая, а Гамлетъ только чудный вымыселъ. И потому опять Осанна личности живой, прекрасной и неподражаемой въ своей самодержавной сущности и силѣ.

Слѣдовательно, общій смыслъ и тонъ, вынесенные мною изъ видѣнныхъ пьесъ и отъ воплощенія ихъ артистами Московскаго Художественнаго Театра, это — вѣра въ силу и обаяніе личности и какъ бы личность ни была теперь загнана толпой — какъ бы ни была она сбита съ толку — толпу вывести изъ хаоса только личность, будетъ ли это Гамлетъ или Лопахинъ или оба вмѣстѣ, но это будетъ личность сильная, разумная и создающая жизнь во что бы то ни стало!

Георгій Гребенщиковъ.